

Марина Цветаева

Здравствуй, порода моя — гранит!

Неизвестные автографы Цветаевой

Марина Цветаева

Здравствуй, порода моя — гранит!

Неизвестные автографы Цветаевой

**МОСКВА
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГРААЛЬ
1997**

Подготовка текста и комментариев
Софьи Клепининой,
научного сотрудника музея Марины Цветаевой в Болшеве

Книга издается к пятой годовщине музея.

ISBN 5-7157-0121-x

© Возвращение, 1997

19 июня 1939 г., после 17 лет эмиграции, Марина Цветаева с сыном вернулась на родину. Странным должен был показаться ей адрес дома, где с конца 1938 г. (вместе с семьей Клепониных) жили ее муж и дочь, и где предстояло поселиться ей самой: Болшево, поселок “Новый быт”, № 4/33. Дурацкое название поселка, безымянная улица и дом — не угловой — почему-то имевший дробный номер.

Место оказалось не странным, а — страшным: “Обертон — унтертон всего — жуть”, — напишет впоследствии Марина Ивановна. Ведь за неполных 5 месяцев, прожитых ею здесь, из обитателей этой “дачи НКВД” были арестованы ее дочь, муж, супруги Клепонины и Алексей Сеземан¹.

Спустя 53 года, к столетию со дня рождения Марины Ивановны, в двух маленьких цветаевских комнатках этого дома был открыт музей (сегодня его адрес — г. Королев, ул. Цветаевой, 15).

Музей М. И. Цветаевой в Болшеве очень молод — в сентябре этого года ему исполнится всего 5 лет. Однако в его экспозиции немало подлинных вещей, принадлежащих самой Марине Ивановне и членам ее семьи.

Достаточно богат и архив музея. В частности, хранятся в нем семь автографов Цветаевой. Два из них опубликованы в литературном историко-краеведческом альманахе “Болшево” (М.: Т-во “Писатель”, 1992, № 2) и в книге “Марина Цветаева. Письма Анатолию Штейгеру” (Музей М. И. Цветаевой в Болшеве; Калининград Московской обл.: Изд-во “Луч-1”, 1994). Остальные пять мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

¹ Сеземан Алексей Васильевич (1916—1989) — старший сын Н. Н. Клепониной от первого брака.

Масовые...

ибо пламенный чван,
Сидоритов, ибо аргент, сиб
и боимит, ибо восток вост -
Суровитов итд:

(Суровитов, урванитов, фим
Суровитов, молодая сибирь
Суровитов, ~~молодая сибирь~~
Суровитов: ~~Суровитов~~...)

Суровитов: урванитов, фим
Суровитов, молодая сибирь
Суровитов, молодая сибирь
Суровитов: Суровитов...

Суровитов / - ир не ит, и 9
Суровитов...
Суровитов
Ри

Суровитов: Суровитов, сибирь:

Суровитов: Суровитов
Суровитов: Суровитов, сибирь
Суровитов: Суровитов

Суровитов: Суровитов
Суровитов: Суровитов

Суровитов
Суровитов
Суровитов
Суровитов

Суровитов
Суровитов
Суровитов
Суровитов

Суровитов:

Суровитов
Суровитов
Суровитов
Суровитов

Суровитов

Суровитов - Суровитов...

Суровитов, сибирь, сибирь -
Суровитов, сибирь, сибирь -
[Суровитов, сибирь, сибирь]
Суровитов, сибирь, сибирь, сибирь,
Суровитов, сибирь, сибирь, сибирь,
Суровитов, сибирь, сибирь, сибирь,
- Суровитов! - Суровитов...

Аналогия

Синонимы: ...
Аналогия: ...
Синонимы: ...
Аналогия: ...

Аналогия...

Синонимы, ...
Аналогия, ...
Синонимы ...

Синонимы: ...

Синонимы: ...
Аналогия: ...

Синонимы: ...

Синонимы: ...
Аналогия: ...
Синонимы: ...

Синонимы: ...
Аналогия: ...

Аналогия

Аналогия:

Синонимы
Аналогия
Синонимы
Аналогия

Аналогия
Синонимы

Аналогия

Синонимы
Аналогия

Синонимы
Аналогия

Синонимы
Аналогия

Синонимы
Аналогия

Синонимы
Аналогия

Синонимы
Аналогия

Синонимы
Аналогия

Аналогия

Маковый...
 ибо красный цвет
Старится, ибо пурпур сед
В памяти, ибо выпив всю —
Сухостями теку:

знамен
икон
препон
жен

Тусклостями, узловатых жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, венценосных жен
Седостями: свинцом...

оскорбленных:
имен
прозорливых жен
дрем
истом

Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом...

5го нов. авг. 1922 г.
Сама — скала...

 — то не ты, не я
Сетуем —
Сонностями...,
 лишь...
Капельк
Ст

Страстная ода моих обид —
Здравствуй, порода моя — гранит!
Здравствуй, в гордыне своей мужской
Лоб, не теплеющий под рукой
Горняя горечь, оплот, устой,
Лоб, не теплеющий под рукой!
мой устой,
Лоб, не теплеющий под рукой.
— Камень! — Как<ая меж прочих>

Сивилла: выжжена, сивилла:

Сивилла: дерево
Сивилла: верила, была как все
Цвела и плакала

Сивилла: думаю,
Сначала шумами

Тетрадный лист “в клеточку” (21×17 см), исписанный с обеих сторон черными чернилами. Несмотря на сильно потрепанные, частично утраченные края и смазанные в одном месте чернила, текст сохранился полностью и сравнительно легко читается. Лист этот, скорее всего, вырван или выпал из тетради (Марина Ивановна не писала на отдельных листках). И тогда мы вправе предположить, что на предыдущей странице должно быть (или должно было быть, если тетрадь не сохранилась) начало черновика (первых трех строф) стихотворения “Леты¹ слепотекущий всхлип...” Первоначально оно входило в сборник “После России. 1922—1925. Тетрадка первая.” (Париж, 1928). Впоследствии, составляя для Гослита в 1940 г. книгу “Стихи” (так и не увидевшую свет), Марина Ивановна включила его в цикл “Земные приметы” заключительным, девятым стихотворением.

Итак, лицевая сторона листа (“лицо” и “оборот” легко определяются последовательностью написания черновика) занята вариантами последней, пятой, строфы стихотворения. Четвертая повторена дважды без изменений и практически в окончательном варианте (различия лишь в знаках препинания). Этот повтор служит как бы разбегом к началу пятой строфы: “Тусклостями”, найденное Мариной Ивановной сверх еще двадцати(!), выписанных “столбиком” по правому краю листа. Манера эта хорошо знакома всем, имевшим дело с цветаевскими черновиками. Сама она писала по этому поводу: “Это исписывание столбцов, и столбцов, и столбцов — в поиске одного слова, часто не рифмы даже (как в нашем случае — С. К.), слова посреди строки, почему — не знаю, но свято долженствующее звучать как ____, а означать ____!”² (т. е. звучать так-то, а означать то-то).

Это самое “Тусклостями” останется в окончательном варианте, и все последующие наброски будут начинаться именно с него. Как и почти сразу выкристаллизовывается у Марины Ивановны окончание пятой строфы (и всего стиха): “Седостями: свинцом”; разночтения лишь в интонациях — она (строка) заканчивается в черновике то многоточием, то восклицанием, а в беловике — точкой. В последней попытке Цветаева пробует искать после нее продолжение (набросок шестой строфы совсем уж фрагментарен: некоторые слова даже не дописаны), но быстро отказывается — это “свинцом” настолько сильно и самодостаточно, что продолжение исключает.

Невероятно интересно проследить последовательность поиска одного эпитета: “Тусклостями: [Пробел, оставленный М. И.] жил/ Скупостями...” Вначале Марина Ивановна записывает “из последних жил...” — согласитесь, образ очень приблизительный. Затем над этим “из последних”, не зачеркивая его, надписывает “стариковских”, что несомненно точнее, но достаточно банально. Тем не менее, в следующем варианте строфы “стариковских” оставлено, а в четвертой попытке на месте прилагательного остается

¹ Лета (*греч.* *lethe* — забвение) — в древнегреческой мифологии река забвения в подземном царстве.

² Письмо Б. Л. Пастернаку 15 июля 1927 г.// Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 272.

пробел: “Тусклостями: ... жил/ Скупостями...” — и на этом запись вообще обрывается. А нам следует перевернуть страницу.

Оборот начинается повторением четвертой строфы (опять разбег!?) и затем возвращением к тому же поиску: в пятой попытке — “узловатых жил...”, что по сути дела ничего не меняет, и лишь в шестом(!) варианте строфы появляется то самое “свято должствующее и звучать, и означать”: УЩЕРБЛЕННЫХ. Все! Единственно возможное слово найдено, и с ним образ обретает мускулатуру, объем, яркость: “Ущербленных жил/ Скупостями...”

Теперь все, что имеет отношение к стихотворению “Леты слепотекущий всхлип...”, Цветаева отчеркивает двумя размашистыми линиями, поделив лист на две части. Причину этого отчерка можно попытаться отгадать. Впоследствии под стихом “Леты слепотекущий всхлип...” она пометит: “31 июля 1922 г. Берлин”, обозначив дату своего отъезда из этого города. А под чертой на нашем черновике (справа) стоит “5го нов<ого> авг<уста> 1922”: она уже в Чехии. Двумя чертами в тетради Марина Ивановна разграничит два разных этапа своей жизни — конец одного и начало другого.

Левая сторона отчеркнутой части листа — карандашный черновик (точнее — начало черновика) первого стиха цикла “Сивилла”. Первая строка нам почти знакома: “Сивилла: выжжена: сивилла...” — окончания нет. Вторая строка поиск завершения первой: “Сивилла: дерево”. Обе они впоследствии уложились в чеканное начало стихотворения: “Сивилла: выжжена, сивилла: ствол”. (Обратите внимание — все тот же поиск точности: дерево — ствол). Отзвук последней строки черновика “Сначала шумами” слышится в опубликованном варианте: “Сначала деревом шумел огонь”. Остальные три строки Цветаевой негодились. Мы же с уверенностью можем сказать, что где-то есть или был черновик “Сивиллы”.

А теперь — внимание! На правой (отчеркнутой) стороне листа, сразу же под строкой “5го нов. авг. 1922 г.” (этим числом датирована потом “Сивилла”, о которой только что шла речь) черновое начало стихотворения, либо никогда не законченного Цветаевой, либо не найденного (может быть — пока не найденного, случаются же чудеса на свете?!).

Начинается оно усеченной строчкой из двух слов:

“Сама — скала...”, по-видимому, трансформирующейся ниже в “...порода моя — гранит!”

Итак,

Страстная ода моих обид —
Здравствуй, порода моя —гранит!

Афористическое, типично цветаевское начало!¹ А дальше — шесть строк, в которых Марина Ивановна ищет место прекрасному образу: “Лоб, не теплеющий под рукой”.

¹ Некий дальний отголосок этих строк слышится, возможно, в стих. “Это пеплы сокровищ:/ Утрат, обид./ Это пеплы, пред коими/ В прах — гранит.” 28 сентября 1922 г.: та же рифма — обид/ гранит.

Давайте вслушаемся в варианты.

Первый: Здравствуй, в гордыне своей мужской
Лоб, не теплеющий под рукой!

Второй: Горняя горечь, оплот, устой,
Лоб не теплеющий под рукой!

Оба варианта зачеркнуты Цветаевой, а в третьем начальная строка имеет лишь окончание:

мой устой,
Лоб, не теплеющий под рукой!

Затем начало еще одного двустишия:

— Камень! — Как<ая меж прочим>,

где взятое в угловые скобки вообще написано карандашом. Далее (ниже) остается достаточно свободного места, но на этом черновик обрывается.

Как жаль, что мы не можем прочесть эти стихи законченными! И какое счастье, что знаем хотя бы этот черновик!

Дар *Е. Б. Коркиной* (Москва)

Ледяна и морска ледяна,
 И в чужбина ледяна, ледяна.
 И дала едно камено
 Чка рече ми.

Сладно съживил ледяна,
 И горно и адно.
 - Азена ка! Вил в офе зурена,
 Писана, как ледяна.

Ледяна и ми:
 - Чка ледяна камено.
 Писана дала ледяна
 Чка ледяна камено.

(Камно)

Ледяна ледяна камено!
 И камено ледяна камено:
 Чка ледяна камено камено,
 Писана ледяна камено.
 И камено, ледяна камено,
 Писана ледяна камено:
 Ока камено камено, ледяна камено,
 И камено камено ледяна камено.

и я думаю, что ты
и садись, как пожелает у тебя.

И вдали разгуляю,
И роса моя в кувшину.
И я думаю, что с тобой
На не одну.

И думаю, что ты
Идею-то, как и все.
И с тобой, что с тобой,
И думаю, что ты.

И думаю, что ты
Всего, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты

И думаю, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты

И думаю, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты

И думаю, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты

И думаю, что ты
И думаю, что ты
И думаю, что ты

III АЛИНЫ ¹ СТ<ИХИ>

Лебедь по морю летает,
А в церквах звонят, звонят.
Я дала одно колечко
На руку ему.

Славно спящий лед заснул,
И горюю я одна.
— Аленька! Мне тоже грустно, —
Так же, как тебе.

Говорила я ему:
— На тебе колечко.
Так волосы вьются
У тебя на глазах.

(КОЛЕ) ²

Милый мой красавец!
Я скажу тебе одно:
Чтоб не уезжал ты, —
Приезжал всегда.

И за это, милый мой,
Подарю тебе цветок:
Он красивый, темно-синий,
С серебристым лепестком.

¹ Аля — Эфрон Ариадна Сергеевна (1912—1975) — дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона.

² Миронов Николай Николаевич (1893—1957) — приятель Бориса Трухачева и сестер Цветаевых (по сведению Е. Б. Коркиной).

Я глядела в твои черные глаза,
Я сидела на коленях у тебя.

Я видала розу белую,
А росла она в Крыму.
И я целый день смотрела
На нее одну.
И другие так мне нравились, —
Так же, как и та.
Я смотрела нежно-нежно,
Целовала их.

Розовый цвет на платье, —
Вспоминаю я эту красу.
Церкви так звонко звонили,
Икона красивая ждет.
Браслет на руке — горячий,
Нежное солнце — жжет.

Небо смотрело глазами своими,
Красиво, темно — и ночь.
Тоже ресницы темнели,
Сердце как колокол бьет.

Дон-Жуан гулял в саду,
Он красиво смотрит.
И пришла к нему одна
Милая красотка.

III Отвечает Дон-Жуан:
— Знаю, Донна Анна!
Называется мой день
Солнце золотое!

И красотка говорит:
Дон-Жуан, мой милый,
Ты не знаешь, как зовут
<?> красивый

Автограф Цветаевой на листе писчей линованной бумаги размером 17,7×11,1 см, записанном с двух сторон черными чернилами. Достаточно ветхий, со следами сгибов вчетверо. Верхние и нижние края листа настолько обтрепаны, что местами утрачен текст. Бумага пожелтела, на оборотной стороне по правому краю — кляксы, по счастью не затронувшие текст, в общем сравнительно легко разбираемый.

Давайте прочтем. Судя по этим “стихам”, Але должно быть лет 5—6 (т. е. датировать их следует 1917—1918 годами). Скорее всего и запись М. И. надо отнести к тому же времени.

Кому как не Марине Ивановне было угадать в этих ритмических “нескладушках” стихотворные способности дочери! Недаром впоследствии включила она стихи семилетней Али в свою книгу “Психея”¹. И уже много позже, в 1931 году, Цветаева писала: “...хочу, чтобы дочь была поэтом, а не художником”².

Сама к себе Ариадна Сергеевна впоследствии относилась очень критично: “...я не пишу стихов. Мне даны глаза поэта и его слух, но я — немая и вряд ли будет со мной, как с Валаамовой ослицей, хоть раз в жизни, да возговорившей! Т. е. Валаамовой ослицей я как раз была, т. е. возговорила однажды в детстве; но потом замолчала, как ослице и полагается. Поэтом я не буду, действительного поэтического начала нет у меня. Стихи я действительно понимаю и действительно люблю”³.

Автору, как говорится, виднее. Однако стихотворные переводы Ариадны Эфрон (блестящие переводы!) свидетельствуют, что все же была права и Марина Ивановна: даром стихосложения дочь ее, безусловно, обладала.

Любопытно вспомнить, что сама М. И. в той же “Истории одного посвящения” приводит собственное детское четверостишие:

Ты лети, мой конь ретивый,
Чрез моря и чрез луга
И, потряхивая гривой,
Отнеси меня туда.

И рассказывает, что на язвительный вопрос старших: “Куда — туда?” — кричала: “Туда — туда!” В скобках же добавляет: “Кстати, приведенный отрывок, явно, отзвук пушкинского: “Что ты ржешь, мой конь ретивый” с несомненным — моря и луга — копытным следом ершовского Конька-Горбунка. Что в нем мое? Туда.”

Кстати, и в записанных матерью Алиных виршах есть свое “туда!”: “Чтоб не уезжал ты, —/ Приезжал всегда”. Согласитесь — очень точная формулировка, ведь приезжающий всегда вроде бы и не уезжает вовсе.

Дар Е. Б. Коркиной (Москва)

¹ Марина Цветаева. Психея. Романтика. Берлин, 1923.

² “История одного посвящения”// Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 130; с 1928 г. по 1933 г. А. Эфрон училась в художественной школе при Лувре и в школе “Art et Publicité”.

³ Письмо к Н. Н. Асееву 6.VI.1948 г.// А. Эфрон. “А душа не тонет...” М.: Культура, 1996. С. 38.

Свирь, мавра, молоко ја откопи.
Свирь и мавра — сјава. Не учрети
маво. (!!!)
Не јадо киева.
— Простиса!!! —

Светлы

4

Гладарный

Рисунок Марины Цветаевой на половине листа тонкой писчей бумаги (10,3 x 6,3 см), по левому краю которого просматриваются фирменный и водяные знаки, не расшифрованные нами. По углам видны слабые следы сгибов, местами на рисунке — мелкие желтые пятна.

Вверху надпись рукой М. И.:

Сыр, масло, молоко за окном.
Сыр и масло — справа. Не упусти
молоко. (!!!)
Не забудь письма.
— Простись!!! —

Чтобы понять рисунок, нужно вспомнить свидетельство Ариадны Сергеевны Эфрон: “Издавна и нежно повелось — Марина звала Сережу Львом, Лёвэ, он ее — Рысью, Рысихой; сказочные эти клички вошли в домашний, семейный наш обиход, привычно подменяя имена, и так — до самого конца жизни”¹.

Кажется неожиданной, непривычной сугубая реалистичность цветаевского рисунка, на котором скрупулезно изображено все, написанное выше. Здесь Лев (худобой и пластичностью удивительно напоминающий фигуру Сергея Яковлевича) с озверевшей физиономией пытающийся спасти “уходящее” молоко (судя по трем восклицаниям в надписи, случилось это у С. Я. не единожды); письма, которые надо не забыть; маленький Мур² в образе котенка, с которым надо проститься.

На обороте листа — нарисованный Сергеем Яковлевичем профиль Льва (его своеобразная “домашняя подпись”³) и надпись: “Сытый и благодарный”.

Точно датировать этот лист сложно: слишком скупа атрибутика. Но присутствие на рисунке маленького Мура и примуса (или керосинки?)⁴ позволяет все же предположить два варианта.

Во-первых — Чехия, откуда Цветаева с детьми 31 октября 1925 года уехала в Париж. В доме 8 на рю Рувé Колбасина-Чернова⁵ отдала им бóльшую комнату в своей трехкомнатной квартире. Если принять эту версию, то рисунок надо датировать летом или осенью 1925 года.

¹ А. Эфрон. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Советский писатель, 1989.

² Мур, Мурзил — домашнее прозвище сына М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона — Георгия Сергеевича Эфрона (1925—1944).

³ В зависимости от времени и обстоятельств выражение этого “львиного лица”, как мне кажется, менялось. В нашем музее хранится дар Р. Б. Вальбе — книга Эккермана “Разговоры с Гете”. На обороте титула рукой С. Я. Эфрона сделана надпись: “26 июля 1939 г. Болшево” и — тот же львиный профиль, но вроде бы грустный и несколько постаревший.

⁴ Упоминание керосинки в письмах М. И. мне не попадалось, а вот примус в них фигурирует: “Достали из починки примус, чинившийся шесть месяцев и уже не числившийся в живых” (письмо Богенгардтам 29 октября 1923 г.)// Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. С. 646.

⁵ Колбасина-Чернова Ольга Елисеевна (1886—1964) — писательница, журналист, крестная мать Мура.

Второй вариант — уже 1926 год, западное океанское побережье Франции, где вся семья прожила с конца мая до 8 октября того же года в рыбацкой деревушке Сен-Жиль. (Время с конца 1925 года по май 1926 года, когда семья жила у Колбасиной-Черновой, следует исключить по причине того, что на рю Рувé был газ.) Сама Марина Ивановна подсказывает небезосновательность второго варианта: “Увы, самое дешевое место оказалось еще слишком дорогим: 400 фр<анков> в месяц, без электр<ичества> и газа”¹ (подчеркнуто мною — С. К.).

Дар *Е. Б. Коркиной* (Москва)

¹ Письмо В. Ф. Булгакову 8 апреля 1926 г.// Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 7. С. 12.

— 9. допечатно изданије и други —

у Трстиа. Владарица свѣта крајем. Ден 1936.

Д. Стојановић, партизански војник. Сремски Карловци.

Мојејо мајо Бојко — њекино.

Дело о себи оне држави.

МТК

Париз, 2^о августа 1936.

Репродукция широко известной фотографии Марины Ивановны с дочерью Ариадной, отправленная А. С. Штейгеру¹ в письме от 2 августа 1936 г.

Фото (11,5×8,5 см) хорошо сохранилось, лишь в центре правого края изображения надрыв (около 1 см) да по углам следы проколов.

В правом нижнем углу лицевой стороны надпись рукой Цветаевой (на экземпляре, с которого сделан настоящий снимок):

МЦ

Москва, 1916 г.

На обороте текст, написанный М. И. фиолетовыми чернилами. Внизу по центру:

Только глаза вышли — темные.

Были и есть очень светлые.

МЦ

Vanves², 2го августа 1936 г.

И далее — по периметру:

“Я тогда как раз писала Стихи о Москве³, а Мандельштам⁴ — мне — Флоренцию в Москве и другие — из Tristia. Двадцать лет назад. Але было — три”.

К Осипу Эмильевичу Мандельштаму обращены второе стихотворение цикла “Стихи о Москве” — “Из рук моих нерукотворный град...” и три стиха, написанные Цветаевой в феврале 1916 г. — “Никто ничего не отнял...”, “Ты запрокидываешь голову...” и “Откуда такая нежность...”.

Говоря о Флоренции в Москве, М. И. имеет ввиду одно из адресованных ей стихотворений Мандельштама 1916 г.

В разноголосице девического хора

Все церкви нежные поют на голос свой.

И в дугах каменных Успенского собора

Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного Архангелами вала

Я город озирал на чудной высоте.

В стенах Акрополя⁵ печаль меня снедала

По русском имени и русской красоте.

¹ Штейгер Анатолий Сергеевич (1907—1944) — поэт русского зарубежья, с которым летом и осенью 1936 г. активно переписывалась М. И. (См. Марина Цветаева. Письма Анатолию Штейгеру.)

² Vanves, 33 Rue Jean-Baptist Potin — Ванв, предместье Парижа, где семья Цветаевой прожила с середины 1934 г. до осени 1937 г.

³ Цикл из 9-ти стихотворений, написанный Цветаевой с марта по август 1916 г. (впервые: 1—4, 6—8 Северные записки. Птг., 1917, № 3; 5, 9 Марина Цветаева. Версты. Стихи. Выпуск 1, М., 1922).

⁴ Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938).

⁵ Акрополь (*греч.* акropolis) — укрепленная часть античного города, расположенная обычно на холме. В данном случае речь идет о Кремле.

Репродукция широко известной фотографии Марины Ивановны с дочерью Ариадной, отправленная А. С. Штейгеру¹ в письме от 2 августа 1936 г.

Фото (11,5×8,5 см) хорошо сохранилось, лишь в центре правого края изображения надрыв (около 1 см) да по углам следы проколов.

В правом нижнем углу лицевой стороны надпись рукой Цветаевой (на экземпляре, с которого сделан настоящий снимок):

МЦ

Москва, 1916 г.

На обороте текст, написанный М. И. фиолетовыми чернилами. Внизу по центру:

Только глаза вышли — темные.

Были и есть очень светлые.

МЦ

Vanves², 2го августа 1936 г.

И далее — по периметру:

“Я тогда как раз писала Стихи о Москве³, а Мандельштам⁴ — мне — Флоренцию в Москве и другие — из *Tristia*. Двадцать лет назад. Але было — три”.

К Осипу Эмильевичу Мандельштаму обращены второе стихотворение цикла “Стихи о Москве” — “Из рук моих нерукотворный град...” и три стиха, написанные Цветаевой в феврале 1916 г. — “Никто ничего не отнял...”, “Ты запрокидываешь голову...” и “Откуда такая нежность...”.

Говоря о Флоренции в Москве, М. И. имеет ввиду одно из адресованных ей стихотворений Мандельштама 1916 г.

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой.

И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного Архангелами вала
Я город озираю на чудной высоте.

В стенах Акрополя⁵ печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.

¹ Штейгер Анатолий Сергеевич (1907—1944) — поэт русского зарубежья, с которым летом и осенью 1936 г. активно переписывалась М. И. (См. Марина Цветаева. Письма Анатолию Штейгеру.)

² Vanves, 33 Rue Jean-Baptist Potin — Ванв, предместье Парижа, где семья Цветаевой прожила с середины 1934 г. до осени 1937 г.

³ Цикл из 9-ти стихотворений, написанный Цветаевой с марта по август 1916 г. (впервые: 1—4, 6—8 Северные записки. Пг., 1917, № 3; 5, 9 Марина Цветаева. Версты. Стихи. Выпуск 1, М., 1922).

⁴ Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938).

⁵ Акрополь (*греч.* акropolis) — укрепленная часть античного города, расположенная обычно на холме. В данном случае речь идет о Кремле.

Не диво ль дивное, что вертоград¹ нам снится,
Где голуби в горячей синеве,
Что православные крюки² поет черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,³
Но с русским именем и в шубке меховой.

Об обращенных к ней стихах Мандельштама М. И. писала в 1931 г.:

“...оповещаю <...>, что <...> стихи “В разноголосице девического хора...”, “Не
веря воскресенья чуду...” <...>, “На розвальнях, уложенных соломой...” принадлежат
мне... <...>

Эту собственность — отстаиваю⁴ .

Дар Филиппа-Жилля де Пелишй (Брюссель)

¹ Вертоград (*церк.*) — сад, особенно плодовый, виноградный.

² Православные крюки (*церк.*) — старинный способ записи церковных песнопений, не имеющих ничего общего с нотами.

³ Аврора (*лат. Аурора*) — в древнеримской мифологии богиня зари.

⁴ “История одного посвящения”: Марина Цветаева. Собр. соч. В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 156 (Впервые журн. “Oxford Slavonic Papers” (Oxford, 1964, XI).

Алтын касын

29^н август 1924.

Мэдээ

2-р. 2-р. Даргач, Дээд.

Голубой, с темно-синей подкладкой, конверт (11,5×15 см), клапан которого был когда-то заклеен по центру, а затем надорван. Остальная поверхность повреждений не имеет, текст Цветаевой (синими чернилами) читается легко:

Мурины волосы
29го апреля 1927 г.
Медон ¹
2 г. 2 мес. без двух дней.

Конверт содержит сложенный вчетверо лист бумаги сиреневого цвета (16×12 см в развернутом виде), в который и завернут золотистый локон детских волос.

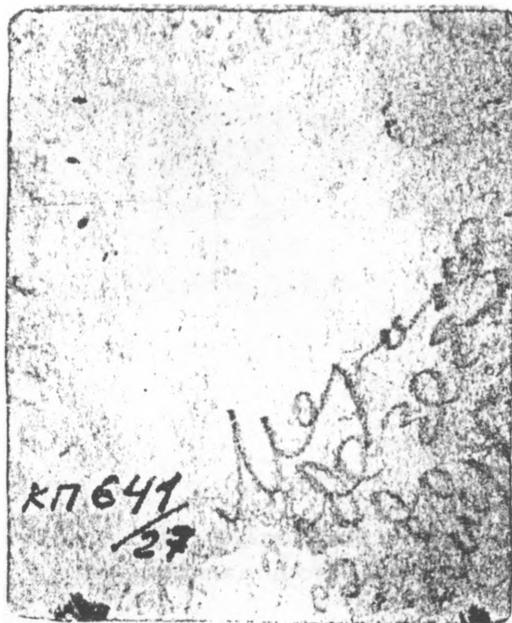
С первого взгляда удивляет в этой записи совершенно не свойственная Цветаевой точность подсчета (без двух дней!). Однако, внимательно вчитавшись, понимаешь, что и здесь Марина Ивановна осталась верна себе: безошибочно посчитав дни, она ошиблась в ... месяцах! Сын ее Георгий (он же Мур) родился 1 февраля 1925 года, и, следовательно, в указанный день ему исполнилось 2 года и 3 месяца без двух дней.

Дар *Е. Б. Коркиной* (Москва)

¹ В пригороде Парижа Мёдон [Meudon (Seine et Oise), 2, Avenue Jeanne d'Arc] Марина Цветаева с семьей прожила с начала 1927 г. по начало 1932 г.

На первой стороне обложки — фотография Марины Цветаевой для советского паспорта (или профсоюзного билета?), полученного ею в 1939 году по возвращении в СССР.

**На обороте фотографии
рукой Анастасии Цветаевой карандашом написано:
“Марина года за 2—3 до смерти”.**

**Воспроизводим оригинал фото в натуральную величину
и его оборот в двухкратном увеличении.**

Над книгой работали:

С. С. Виленский

О. И. Владимирова

Ю. И. Еленчук

Е. И. Комарова

В. В. Медведев

Е. В. Михайлов-Длугопольский

В. Е. Муравьев

•

**На второй и третьей сторонах обложки
фото дома в Болшево**

1

1874